

Морана
РЕДЖ

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН

Зеленая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПОШИБКЕ ДЛЯ ТАМЕРЛАНА

18+

Моргана Редж

Невеста по ошибке для Тамерлана

«Автор»

2026

Редж М.

Невеста по ошибке для Тамерлана / М. Редж — «Автор», 2026

Меня похитили вместо моей сестры. Подставили прямо на чужой свадьбе. Привезли в дом к врагу. Но теперь он не может меня вернуть. И я не знаю, что со мной будет. Домой нельзя - там я никому не нужна. И никто не поверит, что я не была наедине с мужчиной. И кажется моему похитителю совсем не нравится идея жить со мной в одном доме. Альтернативный мир. ХЭ.

© Редж М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	13
Глава 6.	15
Глава 7.	17
Глава 8.	19
Глава 9.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Моргана Редж

Невеста по ошибке для Тамерлана

Глава 1.

Карина

В нос бьет запах дорогих духов и притворства. Я стою в тени развевающейся тюлевой занавески, словно призрак на собственном празднике жизни. Чужом празднике.

Особняк моего дяди сегодня ломится от показной роскоши. Хрусталь, словно слепые глаза, отражает сотни огней люстры, а гул голосов — сплошной фон для моего нездешнего существования. Я здесь не гостя. Я — пятно на безупречном фасаде их благополучия. Внебрачная. Ненужная.

— Карина, не горбись! — шипит тетя Лана, проходя мимо и больно впиваясь пальцами в мой локоть. — И отойди от окна. Тебя могут увидеть.

Ее слова — привычный укол. Меня не должны видеть, как пыль под ковром. Я киваю, отступаю глубже в тень. Мое платье — простая серая шифоновая вещь, купленная на распродаже. Оно кричит о моем статусе громче любого объявления.

Внезапно тетя Лана сует мне другое платье. Не хуже чем у Миланы, но из дешевой ткани. Такого же цвета слоновой кости, с кружевами.

— Надень, а то выглядишь, как потаскуха, — шипит тетя.

Сегодня свадьба моей двоюродной сестры, Миланы. Золотой девочки, принцессы клана. Ее платье — шедевр из кружева и жемчуга, которое, кажется, светится изнутри. Она сияет собираясь на ниях.

Ее жених, Руслан Байрамов, всегда смотрел на нее с обожанием. Красивый, богатый, молодой. Я видела его вчера.

Идиллия, которую я наблюдала словно через толстое стекло.

Сейчас жених ждет Милану в своем доме, который специально подготовили для праздника.

Надеваю платье, которое сказали. Не понимаю зачем, но послушаться нельзя. Мучаюсь с завязками. Никто не помогает. Мне и Милане покрывают голову платками, сквозь которые не видно лиц и волос.

— Ты поедешь в первой машине с Миланой, — голос дяди Айрата обжигает, как лед. Он не смотрит на меня, его взгляд скользит по моему лицу, не задерживаясь. — Ее платье мнется в машине, а твое... не имеет значения. Ты сядешь и будешь молчать. Поняла?

Я снова киваю. Горло сжато. Мое существование сводится к функции: подставить плечо, на которое можно положить ногу, подставить тело, которое можно подвести под удар. Чтобы платье Принцессы не помялось.

Милана, проходя, бросает на меня быстрый, безразличный взгляд. В ее глазах нет ни злости, ни сострадания. Просто пустота. Я для нее — предмет обстановки.

Через полчаса свадебный кортеж, сверкающий как чешуя гигантской змеи, выстраивается у особняка. Лимузины, украшенные лентами. Я выхожу одной из последних, стараясь быть незаметной. Водитель первой машины, суровый мужчина в темных очках, молча открывает дверь.

— Садись, — коротко бросает тетя Лана, подталкивая меня к открытой двери. — И не вздумай пачкать сиденье.

Я пробираюсь в просторный салон, прижимаясь к дальнему окну. Пахнет кожей и дорогим парфюмом. Через мгновение в машину, пышно перебирая складками платья, садится

Милана. Она даже не смотрит в мою сторону, тут же достает зеркальце, чтобы проверить макияж.

— Поехали, быстрее, — говорит она водителю, и в ее голосе слышна легкая дрожь волнения. Не страха. Волнения от предстоящего праздника.

Машина плавно трогается. Я смотрю в окно на уплывающий особняк, на огни, на чужие счастливые лица. У меня странное предчувствие. Тяжелый камень на дне души. Я пытаюсь отогнать его, списывая на вечный страх сделать что-то не так, оказаться лишней.

Мы выезжаем за городские ворота, на серпантин, ведущий к дому Руслана на горном склоне. Слева — скала, справа — пропасть, залитая золотым светом заката. Красиво. И жутко.

Внезапно наш лимузин резко дергается и с визгом тормозит. Милана вскрикивает, роняя зеркальце.

— Что случилось? — гневно говорит она водителю.

Я инстинктивно вжимаюсь в кресло. Впереди, перегородив узкую дорогу, стоят две черные машины без номеров. Из них быстро выходят люди. Не гости. Они в черном, лица скрыты балаклавами. В руках у них — оружие.

Сердце замирает, потом начинает колотиться с такой силой, что звенит в ушах. Это не ДТП.

Двери лимузина с силой распахиваются. В салон врывается крупный мужчина. Его глаза, холодные и острые, как сталь, скользят по Милане, затем по мне. В них на мгновение мелькает что-то неуверенное. Но это лишь на секунду.

— Вон ту, слева, — рычит он кому-то через плечо. — Быстро!

Слева для него — это я.

Чьи-то сильные руки хватают меня за плечи и тащат из машины. Я не успеваю даже вскрикнуть. Воздух перехватывает в горле. Я вижу, как Милана замирает в ступоре, ее глаза выпучены от ужаса. Не за меня. За себя.

Меня грубо тащат к одной из черных машин. Платье рвется о дверь. Я пытаюсь вырваться, но это бесполезно. Мои легкие горят. Задыхаюсь от страха.

Последнее, что я вижу, прежде чем меня вталкивают в темный салон и на голову набрасывают плотный мешок, — это лицо водителя. Он не пытается помочь. Он просто смотрит в сторону. И я понимаю. Меня не просто похитили. Меня отдали.

Потом — только темнота, гул двигателя и чужое, грубое дыхание рядом. И тихий, предательский шепот разума: «Твое платье не имело значения. И ты — тоже».

Глава 2.

Карина

Темнота. Грохот. Вибрирующий под телом пол. И запах. Запах чужого пота, бензина и пыли. Он въедается в легкие, густой и удушливый.

Мешок на голове грубый, волокна царапают щеки. Я лежу, скрючившись на холодном металле кузова, руки скручены за спиной чем-то, что впивается в запястья. Каждая кочка, каждый поворот отзывается болью в плечах, в боку. Я не плачу. Во мне нет даже сил для слез. Только леденящая, острая пустота, как в провале между сном и явью, когда понимаешь, что падаешь, но не можешь пошевелиться.

Мыслей нет. Есть обрывки. Лицо тети Ланы, ее пальцы, впивающиеся в локоть. «Отойди от окна. Тебя могут увидеть». Увидели и забрали.

Голоса. Мужские, приглушенные ревом двигателя.

— ...точно она? Слишком молчаливая. Как мышка.

— В сером платье, из первой машины. Сказано же. Дочь Айрата. Его кровь, его позор.

— Тамерлан недоволен. Говорит, не так все должно было быть.

Тамерлан.

Имя падает в темноту моего сознания, как раскаленный камень. Оно значит что-то. Что-то опасное. Я слышала его шепотом, за закрытыми дверями, когда речь заходила о мести, о крови, о старых счетах.

И они думают, что я — Милана. Дочь Айрата. Его кровь.

Горький, истерический смешок подкатывает к горлу. Они похитили не ту дочь! Они взяли ту, что подешевле! Ту, что и так была готова к утилизации. Ирония ситуации обжигает сильнее страха.

Машина резко тормозит, и я с силой ударяюсь головой обо что-то железное. В глазах вспыхивают звезды. Боль, острая и реальная, на секунду прорывает онемение. Я стону, невольно, тихо. Мой первый звук в этом кошмаре.

Один из мужчин пинает меня сапогом в бок, несильно, но унизительно.

— Тихо там.

Воцаряется тишина. Слышно только тяжелое дыхание и скрежет шин по гравию. Мы куда-то приехали.

Двери с грохотом открываются. Свежий, холодный ночной воздух обжигает легкие. Руки хватают меня снова, поднимают. Ноги, затекшие и ватные, не держат. Я падаю, но меня жестко подхватывают и волокут.

Мешок срывают с головы.

Слепящий свет фонаря бьет в глаза. Я зажмуриваюсь, из последних сил пытаюсь вдохнуть полной грудью. Воздух пахнет сосной и влажной землей. Ночь. Мы во дворе большого, строгого особняка. Не такого вычурного, как у дяди, но мощного, неприступного. Высокий забор, колючая проволока сверху.

Меня ведут к входу. Двое мужчин по бокам, их лица скрыты балаклавами. Я пытаюсь поднять голову, увидеть того, кто отдавал приказы. Того, кого зовут Тамерлан.

И я вижу его.

Он стоит на крыльце, освещенный светом из открытой двери. Высокий, широкоплечий, застывший, как изваяние. На нем простые черные брюки и темная рубашка, закатанная до локтей. Лицо... красивое. Жестокой, резкой красотой. Скулы, как лезвия, темные волосы, густые брови. Аккуратная борода. Но глаза... Боги, его глаза. Они как гроза, как свинец. И они смотрят на меня с таким ледяным, концентрированным разочарованием, что мне становится физически холодно.

Его взгляд скользит по моему лицу, по растрепанным волосам, по порванному серому платью. Он изучает меня, как изучают бракованный товар. И я вижу точный момент, когда он понимает. Понимает, что совершил ошибку.

Он медленно спускается с крыльца, его шаги не слышны на утрамбованной земле. Он подходит так близко, что я чувствую исходящее от него тепло и запах кожи, мыла и чего-то металлического, холодного.

Он протягивает руку и грубым движением откидывает волосы с моего лица, заставляя меня вздрогнуть. Его пальцы обжигают кожу.

— Кто ты? — его голос тихий, но в нем звенит сталь. Он режет тишину.

Я открываю рот, но звука нет. Горло сжато до боли. Я пытаюсь сглотнуть, выдавливаю из себя хриплый шепот.

— Ка... Карина.

Его глаза сужаются. В них вспыхивает молчаливая ярость. Он отступает на шаг, его взгляд обращается к одному из своих людей.

— Это не Милана Асланова. Это никто.

Слово «никто» попадает точно в сердцевину. Оно просто подтверждает то, что я знала всегда.

— Отправьте ее назад, — говорит он, поворачиваясь к дому, уже теряя ко мне всякий интерес. — Это неудачная шутка.

Один из мужчин кашляет, нервно переступая с ноги на ногу.

— Э... Босс. Сейчас? Они, кажется, специально ее подсунули. Машина уехала, как только мы ее забрали. Никто не пытался преследовать.

Тамерлан замирает на месте. Его спина напрягается. Он медленно оборачивается, и его взгляд снова вливается в меня. Теперь это уже не взгляд на брак. Это взгляд на проблему. На обузу.

Он делает несколько шагов ко мне, и его лицо снова оказывается в сантиметрах от моего. В его глазах я читаю борьбу. Гнев. Расчет. И горькое, неизбежное принятие.

— Карина, — произносит он мое имя, будто пробуя на вкус что-то горькое. — Значит, так они играют. Подменили принцессу на прислугу.

Он смотрит на меня, и я вижу, как в его взгляде рождается решение. Холодное и беспощадное.

— Отправить тебя назад теперь — значит признать, что меня одурачили. Обыграли, как мальчишку. — Он говорит тихо, почти для себя. — Твоя честь, девочка, никому не нужна. И твоя жизнь — тоже. Они тебя списали со счетов.

Он прав. Я знаю, что он прав. В этом вся суть моего существования.

— Ладно, — он выдыхает, и в его голосе звучит усталая решимость. — Раз уж ты здесь, то останешься. Пока я не решу, что с тобой делать. Ты моя пленница. Поняла?

Я не отвечаю. Что я могу сказать? Просто смотрю на него своими большими, как у лани, глазами, в которых плещется вся моя безмерная, немая печаль. Мне уже все равно. Пусть хоть убьет.

Он отворачивается, будто не в силах выдержать этот взгляд.

— Уведите ее внутрь. Поселите в синей комнате. И чтобы я ее больше не видел.

Его приказ — мой приговор. Меня снова берут под руки и ведут в этот чужой, враждебный дом. В мою новую клетку.

Я прохожу мимо него, и последнее, что успеваю заметить, — это то, как его сжатый кулак белеет от напряжения. Он украл не ту невесту.

Глава 3.

Карина

Меня ведут по холодным, отполированным до блеска каменным полам. Стены голые, без картин, только темное дерево и редкие бра, отбрасывающие резкие тени. Дом-крепость. Дом-тюрьма. Воздух пахнет строгостью, порядком и чуть уловимо — оружием. Таким же холодным, как и его хозяин.

«Синяя комната» оказывается небольшим помещением на втором этаже. Не клетка, нет. Скорее, красиво обставленная камера. Стены и правда выкрашены в глубокий сапфировый цвет, а тяжелый ковер поглощает звуки шагов. Кровать с высоким изголовьем, комод, туалетный столик, дверь в собственную ванную. Роскошь, в которой нет ни капли уюта. Окно с решеткой, занавешено плотными портьерами.

Дверь закрывается за моей спиной с тихим, но окончательным щелчком замка. Я остаюсь одна.

Тишина.

Она давит на уши, гудит после грохота машины и грубых голосов. Я прислушиваюсь. Где-то далеко хлопает дверь, слышны приглушенные шаги. Жизнь этого дома идет мимо меня, не касаясь.

Я медленно подхожу к кровати и опускаюсь на край. Пальцы впиваются в прохладный шелк покрывала. Тело ноет от ушибов, на запястьях красные следы от пластиковых хомутов. Я смотрю на них, как на чужие отметины.

Что теперь? Истерить? Биться в двери? Умолять?

Бесполезно. Я видела его глаза. В них не было ни капли жалости. Только расчет и раздражение. Я — проблема, которую нужно решить. Не человек.

Внутри меня не поднимается ни протеста, ни страха. Только знакомая, до боли знакомая пустота. Та же, что была в особняке дяди. Я просто сменила одну тюрьму на другую. В одной мной пренебрегали из-за происхождения, в другой — из-за ошибки. Суть не меняется.

Встаю и иду в ванную. Включаю свет. В зеркале на меня смотрит незнакомка. Бледное лицо, огромные глаза, темные от расширенных зрачков. Растрепанные волосы. Праздничное, порванное платье — унижительный символ моего положения. Прислуга, которую приняли за принцессу. Как будто специально меня вырядили, как невесту.

Я снимаю платье, с трудом расстегивая крошечную застежку на спине дрожащими пальцами. Кидаю в мусорную корзину. Навсегда.

Под струей холодной воды я умываюсь, смывая пыль, слезы и позор с лица. Вода обжигает кожу ледяным огнем.

Завернувшись в банный халат, висевший на двери, я возвращаюсь в комнату. На комод лежит аккуратно сложенная одежда. Простое темное платье из мягкой недешевой ткани. Полностью закрытое, в пол. Чужая милость, выданная по необходимости.

Я переодеваюсь. Ткань мягкая, чистая. Она пахнет чужим стиральным порошком. Снова подхожу к окну и раздвигаю тяжелые портьеры.

Решетка. За ней — ночь, огни города вдалеке, и где-то там, в этой темноте, дом, где мне не рады. Где меня, наверное, даже не хватились. Мысль об этом не вызывает боли. Лишь горькое подтверждение.

Внезапно дверь открывается без стука.

Я вздрагиваю и отскакиваю от окна, как пойманная воровка. В дверях стоит он.

Тамерлан.

Он уже переоделся в простые тренировочные штаны и темную футболку, обтягивающую мощный торс. За ним стоит женщина. Наверное, работает в доме. В руках она держит поднос

с едой. Простой ужин: лепешка, суп, кусок мяса. Она ставит его на комод с таким видом, будто кормит бездомную собаку. Неприятную обязанность. И тут же уходит.

Взгляд Тамерлана скользит по мне, с ног до головы. По моим влажным волосам, по простому платью, которое сидит на мне чуть мешковато.

— Привыкай, — говорит он голосом, лишенным интонаций. — Ты останешься здесь, пока я не найду тебе применение. Не пытайся убежать. Снаружи охрана. И никому ты там не нужна.

— Я знаю, — вырывается у меня шепот. Мой первый осознанный ответ ему.

Он замирает, его взгляд снова становится пристальным, изучающим. Меня будто колют булавками.

— Твоя семья... — он делает паузу, подбирая слова. — Они сыграли грязно. Подсунули мне тебя, чтобы выставить меня дураком. Чтобы я пошел на попятную. Но я не отступлю.

Он говорит это не мне, а самому себе. Убеждает.

— Я не Милана, — тихо говорю я, просто констатируя факт.

— Я уже понял, — его губы искривляются в подобие улыбки, лишенной всякой теплоты. — Милана бы уже кричала, царапалась и грозилась расправой. А ты... Ты просто смотришь.

И в его голосе прорывается странная нота. Не злость. Скорее, недоумение. Я — неправильная пленница. Я не вписываюсь в его сценарий мести.

Он поворачивается, чтобы уйти, но на пороге оборачивается.

— Ешь. Не заставляй меня принуждать тебя.

Дверь закрывается. Я слышу, как поворачивается ключ.

Я остаюсь стоять посреди синей комнаты, в полной тишине, и ощущаю на себе след его взгляда. Он был тяжелым, колючим. Но в нем не было той животной ненависти, которую я видела в глазах своих родных. В его взгляде было что-то другое. Что-то... живое. Раздражение, ярость, но не мертвое безразличие.

Подхожу к подносу. Еда простая, но пахнет аппетитно. Я не голодна. Горло сжато. Но я беру лепешку и отламываю маленький кусочек. Механически кладу в рот.

Это акт не покорности. Это акт выживания. Я всегда выживала. И здесь буду.

Смотрю на запертую дверь и понимаю одну простую вещь. Он украл меня, чтобы нанести удар. Но удар пришелся в пустоту. И теперь эта пустота, тихая и беззащитная, здесь, с ним. В его доме.

И я не знаю, что страшнее: его гнев или то, как на меня смотрели его глаза, пытаюсь разгадать загадку, которой нет.

Глава 4.

Карина

Первые лучи солнца пробиваются сквозь щель в портьерах и падают мне на лицо. Я открываю глаза и на долю секунды не понимаю, где я. Потом память накатывает тяжелой, холодной волной. Скрип тормозов. Грубые руки. Его глаза. Синяя комната.

Я лежу неподвижно, прислушиваясь к дому. Ночью он был безмолвен, теперь же он постепенно просыпается. Где-то вдалеке хлопает дверь, слышатся сдержанные шаги, приглушенный мужской голос отдает короткие распоряжения. Все звуки четкие, отлаженные, как работа механизма. Ничего лишнего. Ни смеха, ни болтовни.

Мой взгляд скользит по комнате. В холодном свете утра она кажется еще более чужой и бездушной. Роскошь здесь не для уюта, а для демонстрации статуса. Все идеально вычищено, прибрано, и от этого еще тоскливее.

Встаю, подхожу к окну и осторожно раздвигаю тяжелую ткань. За решеткой открывается вид на внутренний двор. Он большой, вымощенный камнем, с голыми, строгими клумбами. Посреди двора — старый, огромный дуб, его ветви, почти голые, кажутся черными на фоне светлеющего неба. Двое мужчин в спортивной форме совершают утреннюю пробежку по периметру. Охрана. Я отступаю назад, в тень, чтобы меня не увидели.

На комодѣ стоит нетронутый поднос с вчерашним ужином. Суп загустел, лепешка зачерствела. Я не смогла проглотить больше ни куска. Теперь же чувствую, как сосет под ложечкой от голода и нервного истощения. Стыдливо убираю поднос в угол, словно это доказательство моей слабости.

Что мне делать? Сидеть и ждать, пока он «найдет мне применение»? Что это может означать? Моя фантазия, воспитанная на строгих правилах и шепотах о жестокостях клановой вражды, рисует ужасные картины. Но в его глазах я не видела той похоти, которой меня пугали. Только холодное раздражение.

Я не могу просто сидеть. Бездействие сводит с ума. В доме дяди я всегда была в тени, всегда при деле. Шить, убирать, помогать на кухне. Движение было формой существования, способом оставаться невидимой и хоть немного полезной.

Решившись, я подхожу к двери и осторожно нажимаю на ручку. Заперто. Я знала, что так и будет. Тогда я делаю то, на что едва хватает смелости. Стучу. Сначала тихо, еле слышно, потом чуть громче.

За дверью тишина, будто весь дом затаил дыхание, услышав этот несанкционированный звук. Затем тяжелые, размеренные шаги. Замок щелкает, дверь приоткрывается. В проеме возникает тот же мужчина, что вчера вел меня в комнату. Высокий, коренастый, с лицом, которое словно высечено из гранита. Он смотрит на меня безразличным взглядом.

— Еда, — говорю я, стараясь не смотреть на него. — Можно... помочь на кухне? Или... в саду?

Он издает короткий, хриплый звук, похожий на смех.

— Тебе тут не прислужой быть. Сиди в комнате.

Я закусываю губу и повинуюсь. Дверь снова закрывается на ключ. Провал. Но в этом провале есть крошечная победа. Я заговорила. Я попыталась. Пусть мне отказали, но я сделала шаг.

Проходит еще час. Шаги в коридоре становятся чаще. Чей-то голос, молодой и насмешливый, говорит: «...смотри, чтоб не сдохла от голода, а то босс взбесится». Кто-то другой небрежно отвечает: «Его проблемы».

Их слова — еще одно подтверждение моего статуса. Нежеланная проблема.

Внезапно дверь снова открывается. На пороге стоит пожилая женщина в строгом темном платье, с седыми волосами, убранными в тугий пучок. В руках у нее свежий поднос с завтраком. Ее лицо — маска бесстрастия, но в глазах, маленьких и острых, как у птицы, я читаю не любопытство, а скорее профессиональную оценку.

— Завтрак, — говорит она коротко и ставит поднос на комод рядом с вчерашним. Ее взгляд падает на нетронутую еду, но она ничего не комментирует.

— Спасибо, — шепчу я.

Она кивает, разворачивается, чтобы уйти, но я снова набираюсь смелости.

— Как вас зовут?

Она останавливается, слегка повернув голову.

— Залина. Я веду хозяйство.

— Залина... — я делаю шаг вперед. — Пожалуйста... Мне нужно занятие. Что-нибудь. Рукоделие? Может, что-то нужно починить? Я могу.

Она смотрит на меня долгим, изучающим взглядом. Я вижу, как она оценивает мое скромное платье, мои рабочие руки. Она видит не пленницу из вражеского клана, а девушку, знакомую с трудом.

— Хозяин запретил тебе выходить из комнаты, — говорит она без эмоций. — А рукоделия у нас для тебя нет.

И снова дверь закрывается.

Я остаюсь одна, с чувством полной бесполезности. Подхожу к новому подносу. На нем омлет, свежий хлеб, сыр. Я съедаю все, до последней крошки. Голод — мощный стимул, а унижение лишь придает ему остроты.

Потом я начинаю обходить комнату по периметру. Касаюсь пальцами поверхности комода — пыль. Небольшая, почти незаметная, но есть. В углах тоже. Я подхожу к кровати, поправляю идеально заправленное покрывало. Мои движения медленные, ритуальные. Я привожу в порядок свою клетку. Потому что больше мне нечего приводить в порядок.

Подхожу к окну и снова смотрю во двор. Теперь там появился он.

Тамерлан.

Он стоит под старым дубом, спиной ко мне, разговаривая с тем самым коренастым охранником. Он в темных брюках и простой футболке, но даже в этой небрежной одежде в нем чувствуется сила и власть. Жестом отдает приказания, его поза выражает абсолютный контроль.

И вдруг, как будто почувствовав мой взгляд, он оборачивается. Его глаза, даже на таком расстоянии, кажется, прожигают стекло и находят меня в полумраке комнаты.

Я замираю, не в силах отвести взгляд. Мы смотрим друг на друга через дворик, через решетку, через пропасть нашего положения. Он — хозяин. Я — пленница. Он — мститель. Я — ошибка.

Он смотрит на меня несколько секунд, его лицо не выражает ничего. Затем он медленно, очень медленно поворачивается спиной, демонстративно разрывая этот мимолетный контакт. Но я успела заметить. Как его взгляд, прежде чем отвернуться, на долю секунды скользнул по моим волосам, по моему лицу, задержался на моих глазах. В нем не было гнева. Было что-то другое. Что-то тяжелое и невысказанное. Как будто я — задача, которую он все еще решает.

И в этой тяжести, в этом невысказанном вопросе, я впервые с момента похищения чувствую не просто страх. Я чувствую интерес. Опасный, острый, как лезвие, интерес.

Отступаю от окна, прижимаюсь спиной к холодной стене и закрываю глаза. Тиканье часов на прикроватной тумбочке вдруг становится оглушительно громким. Оно отсчитывает секунды моего заточения. И, кажется, секунды его растущего любопытства.

Глава 5.

Карина

Тиканье часов становится моим единственным ориентиром во времени. Я сижу на краю кровати, перебирая складки покрывала, и пытаюсь не думать. Не думать о том, что происходит там, за дверью. Не думать о том, что решает мою судьбу.

Внезапно по дому прокатывается грохот, словно кто-то с силой распахнул входную дверь. Голоса, приглушенные стенами, но в одном из них я безошибочно узнаю его. Тамерлана. Но это был не холодный, отточенный голос, к которому я начала привыкать. Это был рык. Глухой, яростный, животный.

Мое сердце колотится, предчувствуя беду. Я вжимаюсь в спинку кровати, инстинктивно подтянув ноги, стараясь стать меньше.

Его шаги в коридоре тяжелые, быстрые, несущие разрушение. Они не умолкают у моей двери. Они приводят его прямо ко мне. Дверь с треском открывается, ударившись о стену.

Он стоит на пороге, заполняя собой все пространство. Его лицо искажено гримасой чистой, неконтролируемой ярости. Глаза пылают, скулы напряжены до белизны. В руке он сжимает мобильный телефон так, что костяшки пальцев побелели.

— Довольна? — его голос низкий, хриплый от гнева. Он делает шаг в комнату, и дверь захлопывается за ним. Воздух становится густым и едким, словно перед грозой. — Твоя гнилая семейка... твой дорогой дядя... Они прислали ответ.

Я не могу пошевелиться, не могу издать звука. Только смотрю на него широко раскрытыми глазами, чувствуя, как вся кровь отливает от лица.

— Они передали, что ты уже обесчещена! — он выкрикивает это слово, как плевок. — Что ты, их же собственная кровь, теперь грязная тварь, которую не жалко выбросить на помойку! Они предлагают мне тебя убить, чтобы сохранить свою драгоценную «честь»! Убить, как щенка!

Он швыряет телефон в стену. Тот разбивается с сухим треском, осколки стекла разлетаются по полу.

Каждое его слово впивается в меня, как нож. Я знала, что я для них никто. Но чтобы так... Так открыто, так цинично... Во рту появляется вкус меди и горькой желчи.

— Нет... — шепчу я, и голос мой тонкий, как паутина. — Это неправда...

— Неправда? — он снова смеется, и этот звук страшнее крика. Он в два шага оказывается передо мной, его тень накрывает меня с головой. Он пахнет ветром, яростью и чем-то спиртным. — А какая правда, а? Что ты святая? Что ты невинна, как этот твой взгляд, полный слез?

Он грубо хватается за подбородок, заставив поднять голову. Его пальцы впиваются в кожу, обещая синяки.

— Они сказали, что ты шлюха! Что ты уже была у них на побегушках не только как прислуга! И раз уж на тебе уже клеймо, то почему бы мне не воспользоваться тем, что и так испорчено?

— Нет! — это уже крик, вырвавшийся из самой глубины души. Я пытаюсь вырваться, но его хватка железная. Слезы, горячие и горькие, льются из глаз, заливая щеки. — Это неправда! Я никогда... Я не была с мужчиной! Никогда!

Он склоняется так близко, что я чувствую его горячее дыхание на своей коже.

— Врешь! — шипит он. — Все вы, женщины, лгуны! Ты хочешь выглядеть невинно в моих глазах? Хочешь пощады? Пощады не будет. Раз уж ты грязная, то я сделаю тебя по-настоящему грязной!

Его свободная рука впиивается в ворот моего платья. Раздается резкий звук рвущейся ткани. Хлопок звучит в тишине комнаты, как выстрел. Я ощущаю прикосновение холодного воздуха к обнаженному плечу, ключице.

Ужас парализует меня. Я не могу дышать, не могу бороться. Во мне нет силы, чтобы противостоять этой ярости. Только слезы текут безостановочно, беззвучно, а тело одеревенело в немом оцепенении, застыв в ожидании боли, унижения, насилия.

Он рвет ткань еще сильнее, обнажив тонкую сорочку под ней. Его взгляд, полный ненависти и презрения, скользит по моей коже, по трем родинкам у ключицы, по дрожащим плечам.

Резко разрывает платье и сорочку. И вот я обнажена перед ним. Меня трясет, колотит так, что зубы стучат. Дергает меня за ноги, вклинивается своим телом между моих бедер.

— Я сам проверю, какая ты шлюха, — рвет хлопковые трусики, что от них остаются лишь тряпочки.

Из меня вырываются всхлипы. Я хочу, чтобы это закончилось. Никогда мне не было так страшно! Если бы он просто захотел меня, я бы приняла и даже не плакала. Но сейчас я жду боли, и мне дико и жутко от этого. Кажется, что умру сразу.

Тамерлан смотрит на меня зло, и почему-то медленно касается меня там. Проводит пальцами. Затем плюет на них, и я чувствую, как его палец оказывается внутри. Глубже и глубже.

Боль пронизывает низ живота и поясницу. Вскрикиваю, захлебываюсь слезами, дергаюсь.

Он вытаскивает палец, смотрит на него ошеломленно, и замирает. Переводит на меня взгляд.

Его дыхание все еще тяжелое, но ярость в его глазах вдруг смешивается с чем-то другим. С недоумением. Он смотрит на мое лицо, залитое слезами, на мои губы, подрагивающие от беззвучных рыданий, на широко раскрытые глаза, в которых нет ни капли лжи, только чистый, животный, абсолютный ужас.

Я не притворялась. Я не играла. Я была на грани.

— Перестань, — его голос звучит хрипло, но уже без прежней ярости. Это команда, но в ней слышалась какая-то странная растерянность.

Я не могу перестать. Слезы текут сами, тело бьет мелкая дрожь.

Тамерлан вдруг заворачивает меня в одеяло. Садится на кровать, и вот я завернутая у него на коленях. Он прижимает меня к себе. Гладит по голове.

— Прости, маленькая, прости, — шепчет он, а мне кажется, что у меня галлюцинации.

— Я идиот, прости, девочка, — выдыхает он тяжело, качает меня в своих сильных руках.

Глава 6.

Карина

Не помню, как уснула в его руках. Не слышала, как он ушел.

Проснулась полностью обнаженная, накрытая одеялом.

Обрывков платья и белья нет.

Зато на тумбочке лежит новая одежда.

И дверь открыта.

Этот факт доходит до моего сознания не сразу. Сначала я просто вижу прямоугольник пустого, освещенного коридора. Это кажется неестественной, неправильной, новой ловушкой. Он ушел и не запер ее. Нарочно? Забыл? Или ему было все равно?

Я медленно, будто со дна океана, поднимаю руку и трогаю ткань нового платья.

Дрожу, но уже не от рыданий, а от странной, ледящей пустоты, что наступает, когда ад отступает, оставляя после себя лишь выжженную землю.

Он не сделал этого.

Он мог. У него была сила, ярость, право победителя. Но он остановился. Почему? Потому что я плакала? Потому что я сказала, что невинна? Неужели в нем, в этом монстре из стали и гнева, нашлась какая-то зазубрина, о которую споткнулась его жестокость?

Шаги в коридоре заставляют меня вздрогнуть и вжаться в кровать. Но это не его тяжелые, уверенные шаги. Они были легче, быстрее. В дверном проеме возникает Залина.

Ее бесстрастное лицо не дрогнуло при виде меня. Ее острый взгляд скользит по открытой двери, по мне, и она молча, без лишней суеты, входит.

— Переоденься. И умойся.

Я беру одежду, мои пальцы дрожат. Встаю к ней спиной, стыдясь своей обнаженности, и быстро натягиваю чистую ткань. Платье было мягким и пахло чем-то медовым и цветочным.

Оборачиваюсь, а Залина уже собирает осколки телефона в небольшой совок, который принесла с собой. Она делает это методично, не спеша.

— Он... — я пытаюсь что-то сказать, но голос срывается.

— Хозяин уехал, — коротко отвечает она, не глядя на меня. — На несколько часов.

От этих слов мне становится одновременно и легче, и страшнее. Легче, потому что его не было. Страшнее — потому что он вернется. И что тогда?

Залина выпрямляется, держа в руках совок с осколками.

— Обед принесу через час. Дверь закрывать не буду. Не выходи из комнаты, — она смотрит на меня прямо, и в ее глазах я читаю не предупреждение, а скорее совет. Простой расчет: не усложняй. Не провоцируй.

Она уходит, оставив дверь открытой.

Я стою посреди комнаты, как идиотка, не зная, что делать с этой новой, пугающей свободой. Подхожу к двери и выглядываю в коридор. Он пустой и длинный, упирается в лестницу. Оттуда доносятся приглушенные звуки телевизора, чьи-то голоса. Жизнь дома идет своим чередом.

Делаю шаг назад. И еще один. Я не готова. Стены моей синей комнаты, еще недавно бывшие тюрьмой, теперь кажутся единственным укрытием.

Иду в ванную и умываюсь. Холодная вода обжигает кожу, смывая следы слез и позора. Я смотрю на свое отражение. Бледное лицо, красные, припухшие глаза. Но в глубине них что-то изменилось. Испуганная лань увидела, что охотник не выстрелил. И не понимала, почему.

Вернувшись из ванной, я не сажусь на кровать. Мне не сидится. Начинаю ходить. От окна к двери, от двери к окну. Мой взгляд падает на поднос с завтраком. Я не притронулась к нему утром. Теперь подхожу и беру кусок сыра. Действую на автомате.

Мысли путаются, возвращаясь к одному. Его лицо в последние секунды. Не ярость. Рас-
терянность. Усталость. Его объятия. Его «прости, маленькая».

Он верил им. Он был готов увидеть во мне испорченную, грязную девчонку, достойную
лишь насилия и смерти. А увидел... что? Плачущее, перепуганное дитя? И это его остановило?

Я подхожу к окну. Двор пуст. Никого. Только старый дуб и голые клумбы. Но теперь этот
вид кажется иным. Он не враждебный. Часть мира, в котором я существую.

Проходит час. Залина приносит обед. Ставит поднос на комод. Смотрит на меня.

— Ты цела? — спрашивает она прямо.

Я киваю, не в силах вымолвить слово.

— Он не такой, — говорит она вдруг, тихо и так, будто сама с собой. — Он забывает,
что люди бывают разными.

И уходит.

Не такой как кто? Как моя семья, что с легкостью предложила меня убить? Как те, для
кого честь — это показная ложь?

К вечеру я снова слышу его шаги. Тяжелые будто он тащит на плечах что-то невероятно
тяжелое. Он проходит мимо моей двери, не заглядывая. Я замираю, прислушиваясь. Вот он
открывает дверь в свою комнату — она дальше по коридору. Вот дверь закрывается.

Не знаю сколько проходит времени. Я съедаю весь обед.

И вдруг...

Тишину разрывает звук, от которого кровь застывает в жилах. Взрыв, грохот. Затем
сухой, короткий хлопок, знакомый даже мне по фильмам. Выстрел...

Следом — второй. Третий. Охранник за окном, тот, что бегал утром, грузно падает на
камень, и темное пятно расплзается по его спине.

Глава 7.

Карина

Ад начался в одно мгновение.

Из-за угла дома высыпают тени. Быстрые, приземистые, с оружием наготове. Чьи-то голоса, чужие, хриплые, выкрикивают команды. Ответные выстрелы — уже из дома, с первого этажа. Звон бьющегося стекла. Грохот опрокидываемой мебели.

Я застываю у окна, парализованная ужасом. Это не люди Тамерлана. Это нападение.

Моя семья? Или другие враги? Неважно.

Меня убьют здесь, в этой синей комнате, как собаку. Случайную свидетельницу.

Дверь в коридор все еще открыта. Из коридора доносятся крики, беготня, еще более оглушительные выстрелы, эхом раскатывающиеся по каменным стенам. Пахнет порохом и пылью.

Надо бежать. Но куда? Бежать в эту мясорубку? Остаться — значит, стать мишенью.

Внезапно в коридоре, прямо напротив моей двери, возникают двое чужих. В масках, с автоматами. Их глаза выискивают что-то по сторонам, останавливаются на мне. Один из них грубо кричит другому, тыча пальцем в мою сторону: «Нашел! Второй этаж!»

Меня искали. Целенаправленно.

Ледяной ужас сменяется животным инстинктом выживания. Я отпрыгиваю от окна, заваливаюсь за массивную кровать, прижавшись к стене. Сердце колотится так, что, кажется, вот-вот вырвется из груди. Дышать было нечем.

Я вижу их грязные ботинки на полированном полу.

— Где она? Черт, тут никого!

— Должна быть! Обыщи!

Один из них пинает ногой комод. Я зажмуриваюсь, молясь, чтобы меня не нашли. Чтобы они ушли.

И в этот миг в дверном проеме возникает он.

Тамерлан.

Он без рубашки, только в темных брюках, и все его тело напряжено, как у хищника перед прыжком. В одной руке — пистолет. Лицо — маска холодной, смертоносной ярости. Не бешенства, как утром, а сконцентрированной, профессиональной убийственности.

Он не кричит. Он действует.

Два выстрела. Быстрых, точных. Первый человек рухнул, даже не вскрикнув. Второй успевает повернуться, но пуля Тамерлана настигает его в висок.

Тела замирают на полу. В комнате пахнет кровью и порохом, едким и сладковатым.

Он стоит в дверях, грудь вздымается. Подходит и заглядывает за кровать.

— Выходи, — его голос хриплый, но твердый. — Сейчас же.

Я выползаю, дрожа всем телом, не в силах подняться на ноги. Он перешагивает через тело одного из нападавших, хватая меня за руку и рывком поднимает. Его пальцы обжигают кожу.

— Они пришли за тобой, — бросает он, тащит меня за собой в коридор. Его взгляд острый, как лезвие. — Твой милый дядя решил замять следы. Навсегда.

Мы выскакиваем в коридор. Он весь в дыму, с потолка сыпется штукатурка. Где-то внизу гремит перестрелка. Тамерлан тянет меня за собой, к лестнице, ведущей на первый этаж, но тут из-за поворота выныривают еще трое.

Тамерлан резко отталкивает меня назад, в нишу, и сам шагает вперед, стреляя на ходу. Один из нападавших падает. Двое других отвечают огнем. Пули со свистом впиваются в стены над моей головой, осыпая меня осколками штукатурки.

Яжимаюсь в стену, закрывая рот рукой, чтобы не закричать.

Тамерлан двигается как демон, используя каждое укрытие. Еще один выстрел — и второй человек затих. Но третий успевает прицелиться.

Раздается глухой стук, и Тамерлан вдруг спотыкается, схватившись за бок. Из-под его пальцев проступает алая кровь.

— Сука... — шипит он, но не падает. С ревом ярости он всаживает в нападавшего всю обойму, пока тот не отлетает к стене и не замирает, сползая на пол.

Наступает тишина. Наш уголок коридора очищен. Но перестрелка в доме продолжается.

Тамерлан облокачивается о стену, его лицо белеет. Он тяжело дышит, и кровь продолжает сочиться сквозь пальцы, капая на пол.

— Иди... — выдыхает он, кивая в сторону лестницы. — Беги... через черный ход... во двор...

Я смотрю на него, на его кровь, на его страдающее лицо. Он ранен. Из-за меня. Он сказал, что они пришли за мной.

Страх все еще сковывает меня, но сейчас он другого свойства. Не за себя. За него.

Он был моим тюремщиком. Он угрожал мне. Но он только что убил трех человек, чтобы спасти меня. И сейчас истекает кровью.

Я не думаю. Я действую.

Бегу в комнату, хватаю простыню и возвращаюсь. Разрываю ее на части, подбегаю к нему. Он пытается оттолкнуть меня.

— Что ты делаешь? Убирайся к черту!

Я не слушаю. Сжимаю ткань в комок и с силой прижимаю к его ране. Он стонет от боли, его пальцы сжимают мое запястье, чуть не ломая кости.

— Держи, — шепчу я, глядя ему прямо в глаза. В них бушует буря — боль, ярость, и что-то еще... шок? — Держи это. Я не уйду.

Он смотрит на меня, не веря. На мою руку, прижимающую окровавленную ткань к его телу. На мое лицо, вероятно, белое как полотно, но решительное.

Где-то внизу раздается победный крик его людей. Похоже, атаку отбили.

— Глупая... — хрипит он, но его пальцы ослабляют хватку на моем запястье. Он не отпускает, просто... позволяет мне держать.

Мы стоим так в разрушенном коридоре, среди тел и дыма, он — истекая кровью, я — прижимая к его ране окровавленную тряпку. Враги. Пленник и тюремщик. Связанные теперь не только ненавистью и ошибкой, но и кровью. Его кровью.

И в грохоте боя, в предсмертных хрипах, в запахе смерти, я понимаю самую страшную вещь: я не хочу, чтобы он умер.

Глава 8.

Карина

Его кровь теплая и липкая. Она проступает сквозь ткань, окрашивая мои пальцы в багряный цвет. Этот цвет, этот запах — медный, острый — въедается в сознание. Я держу ладонь прижатой к его ране, чувствуя, как под кожей пульсирует жизнь.

Его люди находят нас в разрушенном коридоре. Видят меня, прижимающую окровавленную ткань к телу хозяина. В их глазах читается шок, недоверие, но кризис не оставляет времени на вопросы.

— Босс! — кто-то кричит.

— Идиоты, — шипит Тамерлан, его лицо заливается потом, но взгляд ясен и полон ярости. — Не стойте столбом! Прочесать периметр! Должны остаться живые! — с трудом выдавливает из себя.

Меня оттесняют. Кто-то из мужчин, более опытный в боевых ранах, сменяет меня, наложив давящую повязку. Тамерлана несут в его спальню, превращенную в импровизированный лазарет. Я следую за ними, как привязанная, не в силах уйти. Инстинкт борется с чем-то иным, более примитивным: я не хочу его смерти.

Его спальня такая же строгая, как и он сам: минимум мебели, темные тона, огромная кровать. Его укладывают. Тут же появляется доктор — суровый мужчина с чемоданчиком, не задающий лишних вопросов. Я стою в углу, прижимаясь к стене, в окровавленном платье, чувствуя себя призраком.

— Пуля прошла навылет, — сообщает доктор, обрабатывая рану. — Повезло. Но потеря крови значительная. Покой и уход.

Когда доктор уходит, в комнате остаемся мы двое и Залина. Она молча подает мне влажное полотенце. Я машинально вытираю руки, смывая его кровь. Она кажется вездесущей.

— Ты, — хрипло зовет Тамерлан. Он лежит, прикрыв глаза, но в сознании.

Делаю неуверенный шаг вперед.

— Почему? — его вопрос звучит как удар. Он открывает глаза, и в них бушует буря. — Они пришли за тобой. У тебя был шанс сбежать. Или просто дать мне истечь кровью. Почему ты этого не сделала?

Я не знаю, что ответить. Правду? Потому что так надо? Это было бы самоубийством. Ложь? Он почувствует.

— Вы были ранены из-за меня, — тихо отвечаю, и это только часть правды. — Я не могла просто уйти.

Он смотрит на меня, пытаюсь разгадать загадку. Его взгляд скользит по моим рукам, по пятнам крови на моей коже, по моему лицу.

— Выйди, — сказал он, наконец, но без прежней грубости. Это просьба, полная боли и смущения.

Я выхожу. Залина следует за мной.

— Комната господина повреждена, — сухо говорит она. — И ему нужен уход. Ты будешь делать это.

Это не предложение. Это приказ. От него или от нее — не имело значения. Моя миссия продолжается. Теперь официально.

Следующие дни сливаются в одно пятно: смена повязок, лекарства, бульоны. Дом напоминает военный лагерь после боя. Повсюду ходят вооруженные люди. Воздух пропитан напряжением и подозрением. Я слышу обрывки разговоров: «предательство», «утечка», «кто-то внутри».

Я тень в его комнате. Тамерлан ужасный пациент — нетерпеливый, раздражительный, грубый. Он ненавидит свою слабость. А я ее постоянное напоминание.

— Не смотри на меня так, — бросает он, когда я приношу еду.

— Как?

— Как будто я хрустальная ваза. Я не сломаюсь.

Но по ночам, когда его мучает боль и жар, он бредит. Зовет брата. Проклинает врагов. И иногда, в самые темные моменты, он шепчет: «Почему ты здесь? Кто ты?»

Я сижу рядом в кресле, не сплю, и слушаю. И по кусочкам собираю картину его боли. Он не просто мститель. Он брат, который не смог защитить. Человек, чей мир рухнул в один миг. И в этих ночных откровениях монстр начинает обретать человеческие черты.

Однажды ночью он просыпается от кошмара, весь в поту, с диким взглядом.

— Карина? — его голос хриплый от сна.

— Я здесь.

Он долго смотрит на меня в полумраке, его грудь тяжело вздымается.

— Подойди, — говорит он тихо.

Я подхожу к кровати. Он лежит, закутанный в простыни, его мускулистое тело, обычно такое собранное, сейчас выглядит истощенным. Рана краснеет на его боку.

Он протягивает руку и касается моей руки. Просто кладет свою горячую ладонь на мою холодную кожу. Это не захват, не угроза. Просто прикосновение.

— Твои руки... всегда холодные, — бормочет он. — Как у призрака.

И тогда я понимаю. Он боится, что я призрак. Что я исчезну. Что все это — сон его воспаленного сознания.

Этот момент странной, хрупкой близости страшнее любой его ярости.

Шли дни. Рана затягивалась. Сила возвращалась к нему. И с ней возвращалась его мощь, его властность. Но что-то между нами изменилось. Грубая стена неприязни дала трещину, и сквозь нее пробивалось что-то опасное и неизбежное.

Он начинает замечать меня. Не как пленницу или обузу. Как женщину. Я вижу, как его взгляд задерживается на изгибе моей шеи, когда я наклоняюсь, чтобы поправить его подушку. Как он следит за движениями моих рук. Как его дыхание слегка сбивается, когда я нахожусь слишком близко.

Напряжение растет. Оно витает в воздухе его спальни, густое, как мед, и горькое, как полынь. Мы как два магнита, отталкивающиеся и притягивающиеся одновременно. Он — из-за своей ненависти к слабости и невыносимого влечения. Я — из-за страха, долга и странной, зарождающейся жалости, которая грозит перерасти во что-то большее.

И я знаю, что скоро стальная пружина его воли сорвется. И когда это случится, его страсть, копившаяся неделями в беспомощности и ярости, обрушится на меня. И я не знаю, чего бояться больше — его гнева или его желания. Потому что мое собственное тело начинает отвечать ему тем же — предательской дрожью, внезапным жаром, ночным ожиданием его прикосновения.

И когда он, наконец, полностью поправляется, когда его рана становится всего лишь розовым шрамом, я понимаю, глядя в его глаза, в которых пляшут демоны голода и одержимости, что отсрочка закончилась. Буря приближается. И на этот раз ее нельзя будет остановить окровавленной тканью или слезами.

Глава 9.

Карина

Он снял повязку неделю назад. С тех пор в доме воцарилась новая тишина. Не тишина затишья, а тишина перед выстрелом. Он снова стал тем стальным хозяином своих владений, но что-то в нем сломалось и пересобралось заново. Его взгляд, всегда такой прямой и жесткий, теперь задерживается на мне дольше, тяжелее. Он ищет. Вынюхивает. Как хищник, который учуял кровь, но не может найти источник.

Я стала его тенью, но теперь он сам повсюду преследует меня. Его присутствие становится физическим, почти осязаемым. Когда я прохожу мимо, воздух сгущается. Когда я наклоняюсь, чтобы поднять что-то, я чувствую его взгляд на своей спине, жгучий, как прикосновение. Мы не говорим ни о чем, кроме необходимого, но каждый взгляд, каждое молчание между нами наполнено невысказанным.

Сегодня вечером я приношу ему ужин в кабинет. Он сидит за массивным столом, разбирая бумаги. Рана зажила, оставив лишь розовый шрам, который я видела, когда он переодевался. Шрам, который я помню под своими пальцами.

— Поставь там, — он не смотрит на меня, кивнув на свободный угол стола.

Я делаю, что сказано, и поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Останься.

Его голос тихий, но он звучит как щелчок плети. Я замираю.

— Не хочу есть в одиночестве, — он откидывается на спинку кресла, и его глаза, наконец, смотрят на меня. В них горит тот самый огонь, которого я боюсь и которого жду. Огонь голода, который не имел ничего общего с едой.

— Сядь, — приказывает он.

Я медленно опускаюсь на краешек кожаного дивана напротив. Он встает, обходит стол и садится рядом. Слишком близко. Его бедро почти касается моего. Жар от его тела обжигает меня даже через слои одежды.

Он берет виноградную гроздь с тарелки, его пальцы, сильные и ловкие, сжимают ягоду.

— Открой рот, — говорит он мягко, но в его тоне нет места для возражений.

Я застываю, сердце колотится где-то в горле. Это игра. Унизительная и опасная. Но я слушаюсь. Медленно открываю рот.

Он кладет ягоду мне на язык. Его пальцы касаются моей нижней губы, шершавые, горячие. Вкус лопнувшей сладости заполняет рот. Я не могу оторвать от него глаз. Его взгляд прикован к моим губам.

— Они сказали, что ты грязная, — шепчет он, его лицо так близко, что я чувствую его дыхание. — Они сказали, что ты шлюха. Но твои глаза... твои глаза говорят мне другое. Они кричат о том, что ты никогда не принадлежала никому. Я был не прав. Сделал тебе больно.

Он проводит большим пальцем по моей губе, стирая каплю сока. Его прикосновение заставляет меня вздрогнуть.

— Я ненавижу тебя, — выдыхает он, и в его словах нет правды. Только боль и ярость от того, что он чувствовал. — Ты вошла в мой дом, в мою месть, и все испортила. Ты заставила меня сомневаться. Ты заставила меня чувствовать.

— Я ничего не делала, — шепчу я, мои пальцы впиваются в кожу дивана.

— Врешь! — его рука хватается меня за подбородок, но не больно, а с какой-то отчаянной силой. — Ты дышишь. Ты смотришь. Ты просто ешь. И это сводит меня с ума!

Он наклоняется и прижимается губами к моим. Это не поцелуй. Нападение. Взрыв сдерживаемой месяцами ярости, страха и желания. Его губы жесткие, требовательные. Он не просит — он просто берет.

Я замираю, парализованная. Но затем что-то во мне ломается. Возможно, та самая пружина страха, что была сжата слишком долго. Возможно, та часть меня, что играла роль, вдруг захотела стать реальностью.

Я отвечаю ему.

С тихим стоном я открываю рот под его натиском. Мои руки поднимаются и впиваются в его плечи, не чтобы оттолкнуть, а чтобы удержаться. Мир сужается до вкуса его губ, до запаха его кожи — кожи, мыла и чего-то дикого, неизведанного.

Он рычит, его руки скользят по моей спине, срывая с меня платье. Ткань рвется с треском. Холодный воздух касается обнаженной кожи, но мне жарко. Так жарко, что я горю.

Он отрывается от моих губ, его дыхание тяжелое и прерывистое. Его глаза пылают в полумраке кабинета.

— Это твой последний шанс сказать «нет», — хрипит он. — Скажи это, и я остановлюсь. Солги мне, и я поверю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.